Оттиск статьи в сборнике "Смоленская Старина" (1909 г. т. I)

А. В. Жиркевичъ.

Смоленскіе архивы въ 1812 году.

Изучая исторію Смоленска, принявъ во вниманіе постоянныя княжескія междоусобицы, набѣги татаръ, нахожденіе города подъ продолжительной властью Литвы и Польши, частые переходы его изъ однѣхъ рукъ въ другія, осады, пожары, особенно опустошительные при главномъ типѣ построекъ прежняго времени—изъ дерева, равнодушіе стоявшихъ во главѣ управленія Смоленска къ сохраненію „бумажной" старины [1]), малокультурность русскаго человѣка

---

1) На сколько у насъ, въ Россіи, вообще невѣжественно смотрятъ и смотрѣли на архивы, доказываютъ постоянно оглашаемые въ печати мартирологи то того, то другого бумагохранилища—въ прошломъ и въ настоящемъ. Если еще можно извинить низшему, необразованному чиновничеству столь варварское, подчасъ прямо враждебное, отношеніе къ историческимъ матеріаламъ, то невольно возмущаетъ душу такое же отношеніе къ вопросу лицъ высокопоставленныхъ, зачастую обладающихъ высшимъ образованіемъ. Приведу недавній примѣръ изъ моей дѣятельности, какъ любителя старины. Пріѣхавъ въ концѣ 1903 г. въ Смоленскъ, я послалъ бывшему Смоленскому епископу Петру оттискъ статьи моей въ „Историч. Вѣстникѣ" („Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ") – о гибели Виленскихъ архивовъ. Въ началѣ 1904 г. состоялось, затѣмъ, наше первое съ владыкой свиданіе. Когда я замѣтилъ епископу о томъ, что въ 1812 году сгорѣли всѣ архивы Смоленска, а уцѣлѣлъ только консисторскій архивъ, то онъ, въ присутствіи трехъ человѣкъ изъ высшаго духовенства г. Смоленска, сказалъ мнѣ серьезно: „Мы съ вами тутъ расходимся во взглядахъ. Вотъ въ Вильнѣ спасали архивы. А я сожалѣю что

въ массѣ,—нечего удивляться, что до насъ дошло сравнительно немного документовъ, говорящихъ о прошломъ многострадальнаго, историческаго города, не разъ сыгравшаго важную роль въ судьбахъ нашей родины.

Г. Сергѣй Бѣлокуровъ, въ изслѣдованіи своемъ „О библіотекѣ Московскихъ государей въ XVI столѣтіи“ [1]), приводитъ данныя, показывающія, на сколько трудно было отыскать даже сравнительно недавно (въ 1669 г.) въ Смоленскѣ, для Московскаго посольскаго приказа, латинскихъ и польскихъ книгъ и рукописей для того, чтобы образовать библіотеку изъ книгъ на разныхъ языкахъ. Съ усиліями отыскали ихъ нѣсколько десятковъ въ приказной избѣ, гдѣ онѣ остались отъ ксендзовъ и іезуитовъ, да нѣсколько позднѣе у шляхтянки—вдовы Рачинской. Та же исторія повторилась, когда черезъ три года вздумали обогатить на счетъ Смоленска Московскій стрѣлецкій приказъ: куда доставили только двѣ рукописи, случайно найденныя у протодіакона и Смоленскаго шляхтича Гурки. Скоро, однако, въ виду подобныхъ жалкихъ результатовъ, получена была Смоленскими воеводами изъ стрѣлецкаго приказа довольно грозная царская грамата, въ которой писалось: „вѣдомо великому государю учинилось, что въ Смоленску, въ приказной избѣ, и въ казенныхъ амбарахъ, и въ иныхъ во многихъ мѣстахъ есть старинныя книги на польскомъ и на латинскомъ языкѣ и воеводѣ бъ тѣхъ книгъ велѣть пересмотрѣть и, написать роспись: какія книги и откуда, а учиня роспись, прислать къ великому государю, къ Москвѣ, въ Стрѣлецкій приказъ“. Но не смотря на всѣ желанія исполнить возможно усерднѣе царскую волю, въ приказной избѣ было сыскано еще только 16 книгъ на латинскомъ языкѣ, причемъ одна лишь книга оказалась цѣлой, остальныя „подраны и мыши объ-

---

консисторскій архивъ не погибъ въ 1812 г.“.—„Но почему же?“ воскликнулъ я: „вѣдь въ немъ—историческіе документы за два столѣтія!“—„Кляузы поповъ на поповъ“ поправилъ меня владыка: „Лучше-бы онѣ сгорѣли!... А то лишь возня съ сохраненіемъ этого хлама...“. Нечего говорить, что когда епископъ отзывается такъ о старинѣ, то чего можно ожидать въ этомъ отношеніи отъ подчиненнаго ему духовенства!—Исторія со Смоленскими ризницами и церковно-археологическимъ музеемъ скоро подтвердила мои опасенія. Надо замѣтить, что епископъ Петръ слыветъ любителемъ и знатокомъ именно Отечественной войны.

[1]) Москва, изд. 1899 г., стр. 35.

ѣли, и начала и конца у нихъ нѣтъ"; откуда-же книги эти попали въ приказную избу, Смоленскіе подъячіе „не вѣдали". Кромѣ упомянутыхъ 16 книгъ никакихъ другихъ книгъ въ Смоленскѣ такъ и не нашлось.

Нечего много распространяться о томъ, что въ подобномъ же плачевномъ состояніи находились въ Смоленскѣ и валявшіяся въ приказной избѣ да по разнымъ „казеннымъ амбарамъ" документы, если таковые еще къ тому времени сохранились отъ прошлаго...

Тѣмъ не менѣе, къ эпохѣ нашествія въ 1812 году на Смоленскъ французовъ, въ городѣ все-же имѣлись три главныхъ, нетронутыхъ бумагохранилища, гдѣ несомнѣнно лежали документы, современные царю Алексѣю Михайловичу и позднѣйшаго періода исторіи Смоленска. То были: а) губернскій архивъ (или какъ зоветъ его историкъ Смоленска священникъ Никифоръ Мурзакевичъ— „губернская архива"); б) архивъ городового магистрата, и в) архивъ православной консисторіи.

Тотъ же приснопамятный Смоленскій дѣятель и подвижникъ—въ смыслѣ подвиговъ человѣколюбія и охраненія старины—священникъ Мурзакевичъ, при составленіи своей „Смоленской исторіи", широко пользовался никому до того неизвѣстными документами упомянутыхъ архивовъ; причемъ ссылается даже на какую-то старинную рукопись неизвѣстнаго автора, въ которой приводились данныя, относившіяся къ прошлому Смоленска. Эта ссылка указываетъ на то, что въ „губернской архивѣ", кромѣ бумагъ оффиціальнаго характера, хранились и документы общаго, историческаго содержанія. Такъ какъ древняя „губернская архива", помѣщаясь въ Смоленскѣ у Блонья, [1]) наполняла собою нѣсколько огромныхъ, каменныхъ зданій, то, само собой разумѣется, что даже такой неутомимый, любившій старину человѣкъ, какъ Мурзакевичъ, не имѣлъ физической возможности единолично всесторонне ознакомиться со всѣми матеріалами, составлявшими „архиву".—Невольно является догадка, не было-ли тамъ даже чего либо болѣе древняго, чѣмъ бумаги временъ царя Алексѣя Михайловича?...

Настала наконецъ Отечественная война 1812 года.

---

1) Блонье—площадь, усаженная деревьями, вокругъ которой находятся и нынѣ казенныя зданія.

Выгорѣлъ еще разъ Смоленскъ, постепенно сгорая съ 5 августа по 8 ноября.

И въ общемъ народномъ бѣдствіи погибли или значительно пострадали городскіе архивы, а также и архивы Смоленской губерніи.

Изъ вышеупомянутыхъ трехъ главныхъ архивовъ наиболѣе уцѣлѣлъ архивъ консисторскій, безъ сомнѣнія, благодаря священнику Мурзакевичу, энергично отстоявшему святыни и хранилища, помѣщавшіяся на Соборной Горѣ отъ истребленія французовъ. Но все-же „цивилизованная нація" въ древнемъ бумагохранилищѣ устроила воинскій цейхгаузъ, уничтоживъ при томъ часть дѣлъ, а остальныя разбивъ и приведя въ безпорядокъ.

„Губернская архива" погибла цѣликомъ, будучи сожжена французами и разбросана по окрестностямъ Смоленска.

Погибъ и архивъ городового магистрата, а съ нимъ—подлинныя привилегіи, граматы царей и королей, данныя Смоленску. Если бы не священникъ Мурзакевичъ,—заблаговременно снявшій для своего историческаго труда копіи съ нѣкоторыхъ изъ этихъ документовъ, то о многихъ изъ нихъ мы, по всей вѣроятности, не имѣли бы теперь понятія.

Во время пожара, уничтожившаго въ 1812 году значительную часть Смоленска, сгорѣлъ и полусгнившій архивъ военно-походной канцеляріи Петра Великаго, незадолго до того найденный въ тайникѣ, у Авраамієвской башни учителемъ Еленевымъ и сложенный въ зданіи гимназіи.

Отъ болѣе мелкихъ правительственныхъ архивовъ, конечно, не осталось и слѣда,

Съ ужасомъ и негодованіемъ описываетъ о. Мурзакевичъ, въ письмѣ къ Е. К. Криштафовичу, какъ гибли въ Смоленскѣ замѣчательныя бумагохранилища [1]).

„... Въ послѣдовавшее на Смоленскъ непріятельское нашествіе," сообщаетъ онъ: „чиновники гимназіи удалились, оставивъ не только сіи бумаги [2]), которыя послужили постелью ранымъ французамъ, но и физическій и минералогическій кабинеты съ библіотекою, въ добычу врагамъ.

---

[1]) „Св. Н. А. Мурзакевичъ. Исторія города Смоленска. Юбилейное изданіе Смоленскаго Губернскаго Статистическаго Комитета подъ редакціей И. И. Орловскаго. Смоленскъ 1903 г.".

[2]) Петровской военно-походной канцеляріи.

Не лучшая участь постигла и древнюю губернскую архиву. Она предъ военногубернаторскимъ домомъ снесена была въ кучу и зажжена 8 августа, которая горѣла пять дней предъ окнами Наполеоновской квартиры, а тѣлохранители его, польскіе уланы, подъ березками бивакуя на Блоньѣ, книги и судебныхъ мѣстъ тетради ревизскія употребляли вмѣсто тюфяковъ, а чертежи-жъ и планы изъ гражданской палаты и уѣзднаго суда, вмѣсто ширмъ. Причиною гибели всѣхъ сихъ древностей и архивъ—уѣздный предводитель Петръ Воеводскій, который 24 іюля при губернскомъ предводителѣ донесъ Барклаю-де-Толли, что губернаторъ забралъ съ полей всѣхъ работниковъ и до 700 телѣгъ съ лошадьми для выпровоженія всѣхъ архивъ и штатскихъ чиновниковъ въ Москву и тѣмъ всѣхъ жителей привелъ въ робость, а непріятелю, еще вдали, въ малыхъ отрядахъ появляющемуся, подаетъ отвагу. Главнокомандующій, будучи крайне озабоченъ военными распоряженіями, горячо сіе принялъ: губернатору строгій выговоръ сдѣлалъ и приказалъ ничего съ мѣста не вывозить, а подводы оставить для военныхъ повинностей, почему и чрезъ полицію въ полчаса у всѣхъ штатскихъ билеты отобраны и ни единаго изъ жителей, съ имѣніемъ уѣзжающихъ, не выпущали. Сія строгость продолжалась по 4-е августа, когда подступилъ къ Смоленску непріятель; слѣдовательно, никто не только архивъ, но и собственной своей и даже церковной утвари не вывезъ"...

Тѣмъ же настроеніемъ огорченнаго, возмущающагося любителя старины проникнутъ и дневникъ Мурзакевича, въ которомъ, описывая историческія минуты изъ нашествія французовъ, онъ не забываетъ упомянуть и о дорогихъ его сердцу архивахъ.

Вотъ выдержки изъ этого интереснаго дневника:

26 іюля. „... Барклай разрѣшилъ губернатору вывозить изъ города казну, бумаги и карты, изъ которыхъ-бы непріятель могъ почерпнуть хотя малое свѣдѣніе о странѣ".

3 августа. „... Губернатору сказано, чтобы вывозить казну былъ въ готовности. Вечеромъ Багратіонъ велѣлъ вывозить казну, дѣла и все казенное къ Вязьмѣ...".

4 августа. „Передъ свѣтомъ уѣхали изъ города: губернаторъ въ Дорогобужъ, архіерей... Съ разсвѣтомъ-же вернулась къ городу Багратіонова армія. Въ 8 часовъ утра

подошли къ городу французы, а въ 9 часовъ—самъ Наполеонъ, имѣвшій ночлегъ на архіерейской дачѣ, зовомой „Новый дворъ“...“.

5 августа... „Отъ чиненныхъ бомбъ и ядеръ первые загорѣлись крыши на Никольской и Евстафьевской башняхъ... На Блоньѣ горѣло шесть корпусовъ присутственныхъ мѣстъ...“.

6 августа. „...Въ шесть часовъ утра французы вошли въ городъ. Въ полдень прибылъ самъ Наполеонъ, остановившійся на Блоньѣ, въ домѣ гражданскаго губернатора. Его гвардія расположилась на Блоньѣ, подъ березовыми аллеями; архивныя бумаги служили пастелью, а невывезенныя карты губерніи и уѣздныя занавѣсью отъ знойнаго солнца...“.

12 августа. „Выѣхалъ Наполеонъ изъ города, за нимъ и гвардія...“.

15 августа. „Учрежденъ градоправительственный комитетъ или Муниципалитетъ изъ восьми приневоленныхъ членовъ...“.

4 ноября. „Окончательно французы вышли... Около полуночи начались взрывы башенъ...“.

5 ноября. „... Подъ это утро сгорѣлъ Магистратъ съ архивою и всѣми Смоленскими привиллегіями, дарованными городу великими Князьями, Королями и Императорами: ихъ забылъ сберечь градскій голова Верзинъ“.

Пятаго же ноября русскія войска стали занимать городъ, а 17-го началась очистка послѣдняго отъ французскихъ тѣлъ...

Какъ мы увидимъ ниже, сообщенія священника Мурзакевича относительно гибели архивовъ страдаютъ нѣкоторыми неточностями, что понятно, если принять во вниманіе непровѣренные слухи, которыми пользовался авторъ приводимыхъ документовъ.

Будучи переведенъ въ 1903 году на службу въ г. Смоленскъ, я, конечно, заинтересовался судьбою мѣстныхъ архивовъ. Между прочимъ, въ Авраамієвской башнѣ найденъ былъ мною сгнивающимъ архивъ Смоленскаго губернатора, съ дѣлами и обрывками дѣлъ, главнымъ образомъ начинающимися съ 1812 года, хотя попадались, видимо случайно, бумаги и болѣе ранняго времени.

По этимъ жалкимъ остаткамъ, по обрывкамъ отдѣльныхъ бумагъ можно было судить о томъ, какъ много погибло документовъ, относящихся къ Отечественной войнѣ, а также къ позднѣйшему періоду жизни Смоленска, интересныхъ въ бытовомъ и историческомъ отношеніяхъ.

Когда-нибудь я вернусь еще къ судьбѣ Смоленскихъ архивовъ послѣ 1812 года. Теперь-же остановлюсь на томъ, что произошло съ архивами Смоленска и Смоленской губерніи при нашествіи французовъ, пользуясь, какъ матеріаломъ, сохранившимися дѣлами упомянутаго архива Смоленскаго губернатора.

Разгромъ Смоленской губерніи былъ настолько великъ, что для возстановленія порядка понадобились долгія, исключительныя старанія и губернатора, барона Казиміра Ивановича Аша, и подчиненной ему администраціи. Не забыты были при этомъ и архивы, по поводу которыхъ началась въ 1813 году переписка.

Такъ, губернскій архиваріусъ Ивановскій донесъ губернскому правленію въ февралѣ слѣдующее [1]).

„По нечаянному наступленію непріятельскихъ французскихъ войскъ въ Смоленскъ и за неимѣніемъ тогда подводъ, остались въ Смоленскомъ губернскомъ архивѣ всѣ дѣла въ своихъ мѣстахъ, а по прибытіи моемъ съ прочими чиновниками изъ губернскаго города Костромы осматривалъ я архивъ, но въ оной дѣлъ ничего не нашелъ, даже шкафовъ, въ которыхъ тѣ дѣла были, ни одного нѣтъ и всѣ оные истреблены непріятелемъ, о чемъ губернскому правленію покорнѣйше рапортую".

Яркую картину того, въ какой обстановкѣ погибли архивы г. Смоленска, рисуетъ донесеніе губернатора барона Аша главнокомандующему въ С.-Петербургѣ (отъ 24 апрѣля 1813 г. за № 5722) [2]), насколько знаю, впервые здѣсь оглашаемое въ печати.

„По приведеніи въ надлежащее устройство нужныхъ частей по Смоленской губерніи послѣ очищенія оной отъ непріятеля и водворенія прежняго правительства", доносилъ

[1]) Дѣло Смоленскаго губернатора подъ заглавіемъ „О невывозѣ изъ Смоленска дѣлъ" 1813 года № 32 (по новой описи—Смоленскаго губернскаго правленія № 5).

[2]) Въ томъ же дѣлѣ № 32 (5).

баронъ Ашъ: „я счелъ долгомъ почтеннѣйше донести Вашему Высокопревосходительству [1]) о причинахъ, по коимъ при нашествіи французовъ губернское начальство, при всѣхъ затрудненіяхъ и кратковременности, хотя успѣло спасти нерѣшенныя и всѣ важнѣйшія дѣла, планы, карты и другія бумаги, показывающія свѣдѣнія о состояніи земли, но не могло, однако-жъ, вывезти губернскихъ архивъ. Въ 29 день іюня прошлаго 1812 года имѣлъ я счастье получить Высочайшій Его Императорскаго Величества рескриптъ на счетъ вывоза изъ Смоленска артиллерійскихъ парковъ и запасовъ на обывательскихъ подводахъ [2]). Не взирая на неудобство тогдашняго времени, въ которое крестьяне заняты были сельскими работами, при чрезвычайныхъ усиліяхъ и понужденіяхъ собрано было болѣе трехъ тысячъ подводъ, на коихъ и отправлены помянутые парки и запасы безостановочно. Въ то-же время, для успѣшнѣйшаго слѣдованія резервныхъ баталіоновъ заготовлены были на каждой станціи обывательскія лошади, число коихъ простиралось до нѣсколько тысячъ. Въ таковомъ положеніи находилась Смоленская губернія, когда наши арміи стали вступать въ предѣлы ея. Потомъ представилась столь-же многозначительная потребность въ подводахъ къ перевозкѣ запасовъ, провіанта и фуража для войскъ, нѣсколько недѣль бывшихъ на продовольствіи одной здѣшней губерніи, и для разныхъ надобностей военныхъ, и большая часть подводъ сихъ оставалась въ употребленіи арміи. Въ 18 день іюля представлялъ я г. Главнокомандующему 1-ю западною арміей Военному Министру Барклаю-де-Толли, что по видимымъ обстоятельствамъ считалъ я нужнымъ денежную казну, судебныя мѣста и важнѣйшія дѣла перевезти въ уѣздный городъ Юхновъ, отстоящій отсюда въ 250 верстахъ, при чемъ донесъ и о томъ, что на отправленіе всего онаго не менѣе двухъ дней потребно. На сіе 20 іюля г. Военный Министръ предписалъ мнѣ, что долгъ предосторожности требуетъ, дабы я выполнилъ помянутое мнѣніе мое съ тѣмъ однако-же, чтобы перевезены были въ г. Юхновъ однѣ только денежныя суммы,

---

[1]) Подобное донесеніе въ уцѣлѣвшихъ дѣлахъ архива Смол. гражданск. губернатора не сохранилось.

[2]) Какъ этого рескрипта, такъ и другихъ документовъ, на которые ссылается баронъ Ашъ, въ архивѣ не оказалось.

всѣ бумаги, карты и прочіе источники, изъ коихъ малѣйшія можно почерпнуть свѣдѣнія о состояніи земли. Существеннѣйшею при семъ мѣрою постановлено скрытіе сей перевозки отъ жителей и самыхъ даже чиновниковъ, почему приказалъ производить оную ночью и самымъ секретнѣйшимъ образомъ, дабы небезполезно востревожить жителей Смоленска. Между тѣмъ, Его Высокопревосходительство увѣрялъ меня, что городу Смоленску не предстоитъ ни малѣйшей опасности и невѣроятно, чтобы оный ею угрожаемъ былъ; что онъ, господинъ Военный Министръ, съ одной и князь Багратіонъ съ другой стороны идутъ на соединеніе предъ Смоленскомъ, которое совершится 22 числа и обѣ арміи совокупными силами станутъ оборонять соотечественниковъ своихъ ввѣренной мнѣ губерніи, пока усилія ихъ удалятъ отъ нихъ враговъ отечества, или пока истребится въ храбрыхъ ихъ рядахъ до послѣдняго воина, и что я увижу изъ сего, что имѣю совершенное право успокоить жителей Смоленскихъ, ибо кто защищаемъ двумя столь храбрыми войсками, тотъ можетъ быть удостовѣренъ въ побѣдѣ ихъ. Таковое распоряженіе, во всей точности, приведено было въ дѣйство на тотъ-же день въ ночь.—21 іюля представлялъ я вторично г. Военному Министру, что судебныя мѣста нѣкоторое время по тогдашнимъ обстоятельствамъ совсѣмъ почти бездѣйствовали въ Смоленскѣ, и что для отвращенія долженствующихъ быть отъ того безпорядковъ полезно-бы губернскія мѣста, чиновниковъ, равно и остальныя нужныя дѣла перевезти на время въ Юхновъ-же. Сіе предполагалъ я и для сохраненія казенной пользы, дабы казенная палата въ томъ мѣстѣ, куда назначено было доставлять изъ всѣхъ губерніи городовъ доходы, болѣе имѣла удобности производить пріемъ оныхъ, и самыя дѣла свои и счеты, между тѣмъ, какъ оставаясь здѣсь и не имѣя въ рукахъ своихъ денежныхъ суммъ, не могла распоряжать оными. Возобновивъ сіе представленіе 22 іюля, я получилъ на оное разрѣшеніе не прежде 28 іюля, когда уже непріятельскія войска сближались къ г. Красному, съ присовокупленіемъ, что Его Высокопревосходительство не видитъ никакой надобности въ личномъ выѣздѣ губернскихъ чиновниковъ изъ Смоленска. Послѣ происшедшаго 2-го августа въ Красномъ сраженія и занятія французами сего города, я по первому извѣщенію

о томъ, онаго-жъ числа передъ полуночью отправилъ къ г. Главнокомандующему, находившемуся съ арміей въ Смоленскомъ уѣздѣ, мое донесеніе о семъ съ испрашиваніемъ повелѣнія [1]). Не имѣвъ еще разрѣшенія на сіе, 3-го числа утромъ, когда потерпѣвшій въ Красномъ пораженіе отрядъ генералъ-маіора Невѣровскаго малыми частями началъ приближаться ко Смоленску, будучи преслѣдуемъ отъ непріятеля, я, по сношенію съ управляющимъ по части продовольствія войскъ г. сенаторомъ Ланскимъ, здѣсь находившимся, получилъ такой отзывъ, что Его Превосходительство согласенъ, чтобы казенныя денежныя суммы тогда же отдѣлить отсель для всякаго непредвидимаго случая. И что-же касается до дѣлъ и чиновниковъ, то, по бывшимъ примѣрамъ, основаннымъ на предписаніяхъ начальства, онъ полагалъ отдѣлить изъ первыхъ всѣ тѣ дѣла и свѣдѣнія, кои могутъ дать понятіе о землѣ, и имѣть въ готовности подъ рукою, такъ чтобы, при необходимой надобности удалиться отсель чиновникамъ, могли они забрать съ собою и дѣла тѣ. На семъ основаніи въ то-же время было сдѣлано подлежащее распоряженіе. Въ тотъ-же день передъ вечеромъ, когда уже непріятель былъ близко Смоленска, получилъ я отъ генерала Барклая-де Толли повелѣніе: при соблюденіи всего нужнаго спокойствія, какъ можно порядочнѣе учредить мѣры, дабы всѣ предметы, могущіе попасть въ руки непріятельскія, и особливо всѣ источники статистическихъ свѣдѣній, архивы, планы и карты, и денежныя суммы благополучно вывезены были изъ города Смоленска на лѣвый берегъ Днѣпра, слѣдуя по дорогѣ къ Дорогобужу. Его Высокопревосходительство въ то-же время далъ мнѣ знать, что сіе есть только необходимая мѣра осторожности, но что онъ надѣется, что Смоленскъ оборонится войсками нашими отъ непріятельскаго занятія, которое на всякій случай не можетъ быть долговременнымъ. О выполненіи сего въ ту-же минуту далъ предложеніе Смоленскому губернскому правленію, и хотя съ того времени до открытія первыхъ военныхъ дѣйствій съ городскихъ стѣнъ оставалось токмо нѣсколько часовъ, при всемъ томъ употреблены всѣ усилія, при которыхъ оставшіяся здѣсь нерѣшенныя и важнѣйшія въ губернскихъ

---

[1]) Зачеркнуто въ черновикѣ: „представя о семъ въ то-же время и г. Главнокомандующему 2-й арміей князю Багратіону“.

мѣстахъ дѣла и статистическія свѣдѣнія спасены.—Что-жъ принадлежитъ до губернскихъ архивъ давняго времени, коими наполнены были нѣсколько корпусовъ, и для поднятія коихъ потребно было весьма много времени и чрезмѣрное число подводъ, то поелику, при расположеніи здѣсь обѣихъ армій и главныхъ квартиръ, каждый день гражданское начальство доставляло подводы не сотнями, а тысячами, и обыватели, наконецъ, приведены были въ такое изнеможеніе, что не только въ окрестностяхъ, но и въ отдаленныхъ мѣстахъ, при занятіи многихъ уѣздовъ непріятелемъ, не оставалось никакого средства доставить лошадей, коихъ весьма много погибло отъ недостатка корма и изнуренія работою, предъ временемъ-же приближенія французовъ къ Смоленску собранныя сюда подводы взяты были для весьма важнѣйшихъ надобностей, для вывоза больныхъ, раненыхъ, коммисаріатскихъ и госпитальныхъ вещей, аптекъ и прочаго казеннаго имущества, такъ что въ послѣднія критическія минуты не оставалось ни одной подводы,—то всѣ сіи причины отняли полную возможность вывезти губернскія архивы, и самые чиновники получили дозволеніе уже отъ главнокомандующаго 2-ю западною арміей князя Багратіона удалиться отсюда тогда, когда уже началось сраженіе и многіе спасали себя пѣшими".

Тотъ же губернаторъ баронъ Ашъ, нѣсколько позднѣе, доносилъ сенатору Каверину [1]) (отъ 27 апрѣля 1813 г. за № 5935) [2]) слѣдующее:

„Въ дополненіе доставленныхъ отъ меня къ Вашему Превосходительству при отношеніи за № 4076 свѣдѣній о вывозѣ и о возвращеніи въ губернію дѣлъ и о протчемъ, препровождая при семъ вновь полученныя отъ уѣздныхъ мѣстъ таковыя свѣдѣнія, честь имѣю увѣдомить, что казенная палата, по тремъ отъ меня предложеніямъ, по сію пору не доставила еще оныхъ; а по губернскому правленію, по день закрытія присутствія—3 августа 1812 года, оставалось неоконченныхъ дѣлъ 1783, денежной казны 40031 р. 70 коп.;

---

[1]) Сенаторъ Павелъ Никитичъ Каверинъ, тайный совѣтникъ. Калужскій гражданскій губернаторъ, послѣ нашествія французовъ, управлялъ Смоленской губерніей—по Высочайшему повелѣнію, и ему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подчинялся Смоленскій губернаторъ бар. Ашъ.

[2]) То же дѣло Смол. губернатора № 32 (5).

колодниковъ пересылочныхъ 8 человѣкъ, кои дѣла, деньги, а равно карты, планы и другія свѣдѣнія о состояніи земли и долговыя обязательства, ко взысканію въ то правленіе представленныя, были вывезены и нынѣ возвращены и имѣются въ немъ по прежнему; члены-жъ и канцелярскіе служителя, удалившіеся при нашествіи непріятеля, всѣ возвратились къ должностямъ, кромѣ губернскихъ регистраторовъ Горянскаго, Пинскаго, Попова и Шаковскаго, изъ коихъ первый, бывъ боленъ въ городѣ Сычевкахъ, умре, а послѣдніе гдѣ находятся неизвѣстно; колодники-жъ были выводимы въ г. Орелъ и нынѣ возвращены. Остающіеся по губернскому правленію нерѣшенныя дѣла не получили окончанія большею частью за невыполненіемъ разными мѣстами требованій, а подчиненными предписаній, и къ успѣшнѣйшему движенію оныхъ принимаются всевозможныя мѣры; въ разсужденіи невыдачи никакихъ дѣлъ Смоленскими—уѣзднымъ и земскимъ—судами и городовыхъ магистратовъ губернское правленіе дѣлаетъ свое разсмотрѣніе. Впрочемъ, о причинахъ, по коимъ при нашествіи французовъ на Смоленскъ, губернское начальство при всѣхъ затрудненіяхъ и кратковременности, хотя успѣло спасти нерѣшенныя и всѣ важнѣйшія дѣла, планы, карты и другія бумаги, показывающія свѣдѣнія о состояніи земли, не могло, однако-же, вывести губернскихъ архивъ, я донесъ г. Главнокомандующему въ С.-Петербургѣ, о чемъ считаю нужнымъ увѣдомить и Ваше Превосходительство. Причины сіи состоятъ въ слѣдующемъ...“ [1]).

Еще позднѣе, 11 іюня 1814 г. (за № 5755) баронъ Ашъ донесъ въ Правительствующій Сенатъ [2]):

„Во исполненіе Его Императорскаго Величества Указа Правительствующаго Сената отъ 9 прошедшаго февраля за № 1158, честь имѣю донести, что смотровые списки и проч. по рекрутской части здѣшняго отдѣленія присутствія, съ 76-го по 82-й наборъ, хранились въ архивѣ казенной палаты и при стремительномъ въ 1812 году нашествіи непріятеля, за краткостью времени и неимѣніемъ достаточнаго числа

---

[1]) На этомъ мѣстѣ черновикъ обрывается; судя по отмѣткѣ, на немъ сдѣланной, бар. Ашъ представилъ сенатору Каверину свое, вышеприведенное, донесеніе № 5722.

[2]) То же дѣло №.

подводъ, во многомъ количествѣ арміей непріятеля подвергнулись истребленію, ибо едва можно было спасти и самыя важнѣйшія дѣла присутствіемъ неоконченныя, планы, карты и проч. относительно земли свѣдѣнія".

Мысль о томъ, что древній Смоленскъ можетъ быть когда-либо занятъ полчищами Наполеона, повидимому, дѣйствительно, не приходила въ тѣ дни многимъ въ голову. Это можно, напримѣръ, вывести изъ судьбы „архивы" Мстиславльскихъ присутственныхъ мѣстъ, отосланныхъ, при нашествіи французовъ, изъ Мстиславля въ Смоленскъ, какъ въ безопасное мѣсто, и тамъ погибшихъ [1]).

Могилевскій губернаторъ графъ Толстой, въ письмѣ отъ 15 февраля 1813 года, просилъ барона Аша поспѣшить возвращеніемъ изъ Смоленска этой архивы, отосланной туда передъ вторженіемъ непріятеля.

Нѣсколько позднѣе, Мстиславльскій полиціймейстеръ Ярославскій (рапортомъ отъ 12 іюня того же года), видимо желая выслужиться и получить отъ начальства награду, доносилъ барону Ашу:

„При спасаніи всего казеннаго съ города Мстиславля, когда я не зналъ, гдѣ находился Могилевскій гражданскій губернаторъ и отъ него предварительныхъ предписаній не получилъ, непріятелемъ-же и Могилевъ былъ занятъ, то я, при рапортахъ моихъ, состоящій въ вѣдомствѣ моемъ Мстиславскій провіантскій магазеинъ іюля 12, и восемь подорожныхъ бланкетовъ—іюля 14, а арестантовъ и инвалидную команду—іюля 11 выслалъ отсель къ Вашему Превосходительству; но о полученіи того отъ Вашего Превосходительства предписанія не получилъ, а начальство мое о таковомъ моемъ усердномъ содѣйствіи, равно и что все я словомъ протчее казенное имущество спасъ съ города, до свѣдѣнія верховной власти не донесло; то осмѣливаюсь, о семъ изъясняя, всепокорнѣйше просить снабдить меня повелѣніемъ, что именно дѣйствительно я при рапортахъ моихъ отправилъ и тѣмъ оказать мнѣ начальническую справедливость и милость къ ходатайствованію у начальства слѣдуемой награды".

На письмо гр. Толстого баронъ Ашъ отвѣтилъ пись-

[1]) Дѣло Смоленскаго губернатора 1813 г. № 37 подъ заглавіемъ „Дѣло о дѣлахъ Мстиславскихъ" (нынѣ, по описи Смоленскаго губернскаго правленія, дѣло № 347).

момъ же, что не только „архива Мстиславскихь присутственныхъ мѣстъ", но и „здѣшнія архивныя дѣла", „по стремительному нападенію непріятеля и по неимѣнію подводъ" были оставлены въ Смоленскѣ и „всѣ непріятелемъ истреблены, о чемъ донесено высшему начальству".

Какъ видно изъ приложенной къ тому же дѣлу росписки секретаря Чистовскаго въ пріемкѣ 26 іюня 1812 г., по предписанію Смоленскаго гражданскаго губернатора, присланныхъ въ Смоленскъ „архивъ Мстиславскихъ присутственныхъ мѣстъ", дѣла эти были доставлены въ 19 тюкахъ и 6 сундукахъ при двухъ рядовыхъ штатной команды, а затѣмъ сложены въ нижнемъ этажѣ корпуса Совѣстнаго Суда. Кромѣ того приняты были имъ и тамъ же помѣщены особо, невнесенный въ рапортъ, одинъ тюкъ и мѣшокъ, опечатанные, съ какими-то вещами.

Нѣкоторыя подробности о томъ, какъ гибли отдѣльные архивы г. Смоленска, имѣются въ томъ же дѣлѣ Смоленскаго гражданскаго губернатора № 32-й (№ 5).

Архивъ Смоленской палаты уголовнаго суда былъ оставленъ въ Смоленскѣ и погибъ (какъ доносила губернатору палата) „по неполученію на вывозъ" этого архива „повелѣнія".

Изъ Смоленской казенной палаты къ губернатору-же поступило (отъ 29 сент. 1813 г.) донесеніе такого рода:

„Архіваріусъ сей палаты Тихоновъ, рапортомъ прописываетъ, что по опредѣленію его на мѣсто умершаго предмѣстника его Анахова, обозрѣвалъ онъ имѣющуюся на рукахъ его, Анахова, архиву и въ оной на столько дѣлъ имъ не найдено, да и дверей и оконъ, и тѣхъ полочекъ, на коихъ дѣла и книги лежали, нѣтъ, повидимому ни отъ чего иного, какъ отъ бывшаго въ Смоленскѣ военнаго дѣйствія и нахожденія непріятельскихъ войскъ. Сего-жъ года марта 17 числа, въ присутствіи палаты, приказано было ему (архиваріусу) розыскать и узнать, нѣтъ-ли гдѣ по городу Смоленску, въ какихъ партикулярныхъ и казенныхъ строеніяхъ заложенныхъ или заброшенныхъ, принадлежащихъ казенной палатѣ, бывшихъ въ его архивѣ, дѣлъ. Почему онъ, развѣдывая, нашелъ на Блоньи, въ корпусѣ занимаемомъ прежде военно-сиротскимъ отдѣленіемъ довольное ко-

личество, какъ дѣлъ, равно и ревизскихъ сказокъ—въ нужномъ мѣстѣ, въ кучу складенныхъ и весьма замасленныхъ имѣющеюся на нихъ нечистотою. Тѣ дѣла, отъ дождей и отъ лежанія въ снѣгу весьма измѣчены, а иные разбросаны и разобраны. Какъ къ разборкѣ, по зимнему времени, приступить никакъ было невозможно, а по сему и по резолюціи палаты Вашему Превосходительству было представлено съ прошеніемъ, какъ для очищенія описанной нечистоты на дѣлахъ, имъ (Тихоновымъ) найденныхъ, палата не имѣетъ кого отрядить, по поводу чего и на представленіе ея Ваше Превосходительство предписали командиру гарнизоннаго баталіона и кавалеру Уствинцову отрядить арестантовъ—для собиранія и очищенія разбросанныхъ по городу дѣлъ и бумагъ и опредѣлили отрядить для надзора за тѣмъ его (Тихонова), и когда все оное будетъ кончено Ваше Превосходительство увѣдомить для надлежащаго распоряженія къ разборкѣ дѣлъ и бумагъ по принадлежности всякому присутственному мѣсту. А въ послѣдствіе сего и по предписанію палаты онъ, архиваріусъ Тихоновъ, разграбленныя и разбросанныя по нашествіи на городъ Смоленскъ непріятельскимъ войскомъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ бумаги и дѣла по городу Смоленску на улицахъ, въ разныхъ строеніяхъ и за городовою стѣною, на полѣ, собиралъ и, выбравъ, хранитъ въ Королевской крѣпости и въ корпусѣ удѣльной конторы, въ нижнемъ этажѣ. А потому и въ соображеніи Вашего Превосходительства предложенія, такъ какъ имъ, Тихоновымъ, разныхъ присутственныхъ мѣстъ дѣла и бумаги собраны и находятся тамъ, какъ онъ означилъ выше, то проситъ палату кому слѣдуетъ сдѣлать представленіе".

А потому палата просила, въ свою очередь, губернатора дать ей нужныя указанія, вслѣдствіе чего послѣдній приказалъ (въ ноябрѣ 1813 года), чтобы Губернское Правленіе приняло мѣры къ разборкѣ и пріему куда слѣдуетъ отысканныхъ бумагъ.

Та же казенная палата позднѣе (2 іюня 1814 года за № 3846) донесла барону Ашу:

„Вслѣдствіе предложенія Вашего Превосходительства отъ 22 февраля сего года № 1870, въ сей палатѣ учинена справка и оказалось: Ваше Превосходительство августа 3

числа 1812 года предложили казенной палатѣ съ чиновниками ея, казною и дѣлами слѣдовать изъ Смоленска въ г. Вязьму, почему Палатою, въ самое кратчайшее время, собравъ казну и необходимо нужныя дѣла, какія только въ виду самой ея тогда были, на данныхъ по приказанію Вашего Превосходительства 30-ти подводахъ, отправлены въ повелѣнный путь. Пополудни, къ 1 часу того 3-го числа, не имѣя тогда и предъ тѣмъ временемъ отъ начальства на вывозъ въ безопасныя мѣста архивныхъ дѣлъ, ниже къ тому способа и достаточнаго количества лошадей, въ необходимости была, при такомъ скоромъ, экстренномъ выѣздѣ, оставить въ Смоленскѣ архивныя ея дѣла... Но дабы архива съ дѣлами не могла истреблена быть отъ руки непріятеля, то г. вице-губернаторъ, при выѣздѣ изъ Смоленска архиваріусу Анахову далъ приказъ, чтобы онъ въ архивѣ полотномъ (палатномъ ?) имѣющіяся дѣла и описи сберегалъ, бдительнѣйше по случаю какой-либо опасности всемѣрно старался отъ оставшагося въ Смоленскѣ военнаго начальства, для вывоза ея, требовать приличнаго числа подводъ".

Далѣе, въ томъ-же донесеніи, палата говоритъ, что одно время ей неизвѣстно было, выполнилъ ли Анаховъ то, что ему было предписано, и почему порученныя ему архивныя дѣла не были имъ вывезены изъ города—по причинѣ ли военныхъ дѣйствій, или по недостатку лошадей. По возвращеніи же въ Смоленскъ изъ г. Костромы, палата узнала, что Анаховъ изъ Смоленска не выѣзжалъ, а порученія не могъ выполнить по недостатку перевозочныхъ средствъ [1])

Въ найденныхъ мною бумагахъ архива Смоленскаго губернатора оказались, между прочимъ, въ отрывкахъ интересныя подробности о томъ, въ какой обстановкѣ погибли историческіе документы Смоленскаго Городового Магистрата, о которыхъ упоминаетъ священникъ Мурзакевичъ.

Губернаторъ баронъ Ашъ, 8-го февраля 1813 года за № 4993, черезъ Смоленское Губернское Правленіе потребовалъ отъ Смоленскаго Магистрата донесеніе, почему, при нашествіи французовъ, Магистратъ не вывезъ законныхъ книгъ, которыя, оставшись въ городѣ, были сожжены непріятелемъ?

---

[1]) Бумага эта отъ времени испорчена, и конца ея хорошо прочесть нельзя.

Какъ видно изъ донесенія губернатору Губернскаго Правленія отъ 7 мая 1813 г. за № 3608 [1]) магистратъ отписался въ такомъ высокопарномъ видѣ:

„Имѣющіяся въ Магистратѣ законныя книги и вмѣстѣ съ ними дѣла и архивы непріятелемъ разграблены и сожжены. Не вывезены-же оныя были отсюда не съ умыслу какого-либо или нерадѣнія присутствующихъ Магистрата, а единственно потому, что Магистратъ не имѣлъ о томъ отъ начальства предписанія и потому, что присутствующіе Магистрата во время нашествія непріятельскихъ войскъ, исполняя долгъ присяги предъ Всемогущимъ Богомъ, Августѣйшимъ Государемъ Императоромъ и отечествомъ, находясь въ городѣ по 6-е число августа прошедшаго 1812 г. при отправленіи настоящихъ должностей, выполняли сверхъ того, не щадя ни имѣнія, ни жизни собственныхъ, по приказаніямъ начальства разныя порученности, какъ-то прежде въ доставленіи россійской арміи провіанта и сухарей, потомъ въ уборкѣ убіенныхъ на брани Россійскихъ воинскихъ тѣлъ и доставленіи для перевязки раненымъ ранъ бинтовъ и корпіи, наконецъ вмѣстѣ съ россійскими войсками слѣдовали изъ Смоленска внутрь Россіи и странствовали по разнымъ городамъ и селеніямъ, дабы только ни на самое кратчайшее время не быть непріятелю подвластными, кольми-жъ паче исполнителями непріязненнаго его властолюбія, черезъ что самое не имѣли ни времени, ни способовъ спасти тѣхъ законныхъ и прочихъ книгъ, равно дѣлъ и архивы“.

Такъ какъ оффиціальное донесеніе о гибели Магистратской „архивы“ и дѣлъ надо думать было новостью для Губернскаго Правленія, то послѣднее о томъ донесло губернатору.

Вѣроятно это вызвало, въ свою очередь, запросъ бар. Аша, такъ какъ городской Магистратъ представилъ губернатору (24 октября 1813 г. за № 441) слѣдующее объясненіе [2]), которое, въ виду интересныхъ, бытовыхъ и историческихъ, подробностей, въ немъ заключающихся, приводимъ здѣсь въ цѣлости.

---

[1]) Дѣло Смол. губернатора № 32 (5).

[2]) Дѣло Смоленскаго губернатора 1813 г. подъ заглавіемъ „дѣло по рапорту Смол. гор. Магистрата о пропавшихъ во время нашествія непріятеля книгахъ и прочихъ бумагахъ Думы“ (нынѣ—дѣло Смол. губ. правленія № 9).

Вотъ этотъ документъ: „Оный Магистратъ слушалъ сообщенiе Смоленской Градской Думы, въ коемъ она прописываетъ, что де Градской Глава Верзинъ въ присутствiи Думы словесно объявилъ, что во время на городъ Смоленскъ нашествiя непрiятеля, 4 августа прошлаго 1812 года, когда онъ, Градской Глава, развлекаемъ былъ и много занятъ исполненiемъ разныхъ письменныхъ и словесныхъ повелѣнiй военныхъ и гражданскихъ начальниковъ, наипаче въ сборѣ по домамъ и лавкамъ холста для бинтовъ и корпiи на перевязку раненыхъ, и когда не оставалось ему, Градскому Главѣ, ни время, ни способовъ спасти и сохранить изъ Градской Думы книгъ ея приходныхъ и расходныхъ городоваго и поземельнаго сбора на 1812 годъ и подлинныхъ жалованныхъ граматъ городу Смоленску отъ польскихъ королей на владѣемыя земли и на протчiя привилегiи, тогда онъ принужденъ былъ, все то взявъ изъ Думы, перенести въ Магистратъ и для сохраненiя вручить бургомистрамъ Дмитрiю Павлову и Захару Щедрину, которые охотно принявъ тѣ книги и грамоты, увѣрили его, Градского Главу, о сбереженiи, а наиболѣе Щедринъ обѣщался при выѣздѣ изъ города взять къ себѣ въ бричку, и для того-жъ въ то самое время, по приказанiю ихъ, бургомистровъ, Магистратскимъ сторожемъ Филиппомъ Болмотовымъ, при бывшемъ магистратскомъ секретарѣ Черкасовѣ, завязаны въ рогожный куль и въ предшествiи ихъ бургомистровъ, понесены изъ магистрата изъ мѣщанъ ходоками Силою Сабельниковымъ и Андреемъ Телюковымъ, почему онъ, Градской Глава, и надѣется, что ими, бургомистрами, все то спасено и сохранено отъ гибели во время нашествiя непрiятеля. Поелику-же книги градской Думы теперь для разсчетовъ въ суммахъ необходимо нужны, не менѣе-жъ того нужны и граматы для соображенiя по нихъ прежнихъ правъ города съ нынѣшнимъ его положенiемъ, то и проситъ Градской Глава истребовать отъ нихъ, бургомистровъ Павлова и Щедрина, тѣ книги и граматы, прислать ихъ въ Думу. Требуетъ сiя Дума согласно тому Градскаго Главы словесному отзыву выполненiя. При слушанiи котораго сообщенiя, въ присутствiи магистрата, бургомистры Дмитрiй Павловъ и Захаръ Щедринъ объявили: 1) что во время перваго нападенiя на городъ Смоленскъ непрiятельскихъ войскъ, т. е. 4 августа прошлаго 1812 года,

прибывши были въ присутствіе сего Магистрата они, бургомистры Павловъ и Щедринъ, ратманы Клименковъ и Малкинъ, въ томъ числѣ и Градской Глава Козьма Верзинъ, и имѣя о предстоящей отъ непріятеля опасности разсужденіе, спрашивали и усовѣщевали члены магистрата упомянутаго Градского Главу, когда есть въ Думѣ наличныя деньги, то что онъ, Верзинъ, изъ той суммы, при общемъ попеченіи членовъ Магистрата и его, приложилъ стараніе спасти по крайней мѣрѣ жалованныя города Смоленска жителямъ отъ польскихъ королей привилегіи и Всероссійскихъ Государей Императоровъ граматы на право владѣнія земель крестьянъ и прочаго, на что онъ, Градской Глава Верзинъ, неоднократно, предъ Всемогущимъ Богомъ, подъ клятвою, подтвердилъ, что у него, Верзина, кромѣ 160[1]... нѣтъ болѣе денегъ ни копѣйки и что онъ вмѣстѣ со сборщикомъ Симономъ Привальневымъ и другими, хотя въ то-же самое время входилъ въ присутствіе Думы и за небытіемъ тамъ никого кромѣ его изъ протчихъ членовъ разломалъ сундуки и столовые ящики, но въ оныхъ ни денегъ, ни векселей, ни протчихъ документовъ не нашелъ, исключая столоваго ящика гласнаго Кислова, въ коемъ только нашелъ мѣдною монетою нѣсколько денегъ, а не рублей. Почему тотчасъ-же предположено было между нами всѣми поименованными присутствующими общее согласіе, что по крайней мѣрѣ вывезти изъ города и спасти отъ рукъ хищнаго непріятеля сказанныя привилегіи, граматы и книги—крестоприводную и разрядную о здѣшнихъ гражданахъ, равно книги приходныя и расходныя разной денежной казенной и партикулярной суммы, въ Думѣ и въ Магистратѣ, съ 1812 года имѣвшейся, на каковой предметъ, они бургомистры Павловъ и Щедринъ, и ратманъ Малкинъ вообще съ нимъ, Главою Верзинымъ, и пошли изъ Магистрата съ тѣмъ, чтобы купить хотя одну лошадь для поклажи и отправленія тѣхъ документовъ на находившіяся въ рукахъ Верзина деньги, для чего лошадь хотя нашли на Молоховской улицѣ, близь дому купца Головкина, у пріѣхавшихъ тогда изъ Малороссіи съ мыломъ и протчимъ товаромъ обывателей и торговали, но не купили оной по неспособности, вмѣстѣ съ нимъ,

[1] Въ рукописи нельзя разобрать о тысячахъ или рубляхъ идетъ дѣло.

Верзинымъ, пошли оттуда на форштатъ, на нижній рынокъ, въ которое время онъ, Верзинъ, противъ самаго Троицкаго монастыря, получилъ черезъ унтеръ-офицера Палчикова полицейской команды последнее уже письменное повеленіе отъ Вашего Превосходительства, предписывающее, чтобы Дума приняла въ ея ведомство и охраненіе все казенныя зданія и находящіяся въ оныхъ и кладовой вещи и мебели. Придя-жъ на нижній рынокъ, къ дому и лавкамъ его, бургомистра Павлова, онъ, Верзинъ, послалъ отъ онаго случившихся тогда быть тамъ Уланскаго, Алексея Кислова и соцкаго Игнатья Степанова, чтобы они, купя пару или уже одну лошадь и взявъ со двора бургомистра Щедрина бричку и телегу, приложили особенное ихъ стараніе для спасенія техъ привилегій, граматъ и книгъ. Но вместо того они, Кисловъ и Степановъ, не только не исполнили того приказанія, но даже не явились въ то время къ начальству, а, напротивъ того, они, бургомистры Павловъ и Щедринъ, съ того самаго времени вместе съ нимъ, Верзинымъ, по приказаніямъ словеснымъ г.г. разныхъ военныхъ начальниковъ, снискивали по домамъ и лавкамъ для раненыхъ бинты и корпіи, но бургомистръ Павловъ пожертвовалъ на сей предметъ собственнаго холста изъ лавки более 500 аршинъ, а бургомистръ Щедринъ вообще съ нимъ, Верзинымъ, во всю ночь противъ 5-го числа августа, находясь близъ бывшаго Днепровскаго моста и не щадя ни именія, ни жизни собственной, ни жены своей, занимался въ доставленіи ранымъ бинтовъ и корпіи и переношеніемъ раненыхъ въ назначенныя места. Да и 5-го числа, передъ вечеромъ уже, бургомистръ Щедринъ отъ него, Верзина, при бургомистре Павлове, пошелъ въ домъ наведаться о жене своей, где и какъ она находится. Хотя-жъ, после того вскоре вместе съ нею и съ регистраторомъ Ефимомъ Белясовымъ искали его, Верзина, въ домахъ бургомистра Павлова, городового старосты Кваскова и гласнаго Редковскаго, но нигде не нашли. Итакъ, спасая единственно жизнь отъ рукъ непріятельскихъ, бургомистръ Щедринъ съ женою своею и вместе съ упомянутымъ регистраторомъ Белясовымъ, подканцеляристомъ Мартиномъ Хорошилинымъ и мещаниномъ Тимофеемъ Полуносовымъ и прочими, въ виду Россійской арміи следовали до Дорогобужа пешіе, а вследъ за темъ и бур-

гомистръ Павловъ обще съ нимъ, Верзинымъ, и секретаремъ Черкасовымъ изъ города отправились. 2) А изъ сего очевидно, что онъ, Верзинъ, упоминаемыхъ никакихъ привилегій, граматъ и книгъ въ прошедшее несчастное время имъ, бургомистрамъ, Павлову и Щедрину, для сбереженія не вручалъ и оныхъ они, Павловъ и Щедринъ, отъ него, Верзина, не принимали, и тѣ привилегіи, граматы и книги, по приказанію ихъ, бургомистровъ Павлова и Щедрина, въ предшествіи ихъ сторожемъ Филиппомъ Болмотовымъ, ходоками Силой Сабельниковымъ и Андреемъ Телюковымъ и бывшимъ Магистратскимъ секретаремъ Черкасовымъ (который нынѣ удаленъ отъ должности за неявкой къ оной въ свое время) изъ магистрата выносимы не были. Особенно-жъ бургомистръ Щедринъ не завѣрялъ и не обнадеживалъ его, Верзина, какъ онъ объясняетъ, по причинѣ той, что, когда онъ, Щедринъ, не имѣлъ ни время, ни способовъ даже вывезть изъ города и собственнаго самонужнѣйшаго имущества. 3) Напротивъ-же того, имъ, бургомистрамъ Павлову и Щедрину, въ недавнее время, онъ, Верзинъ, самолично и при стороннихъ людяхъ, признавался, что имъ, Верзинымъ, для путевыхъ собственныхъ его издержекъ, взято во время на Смоленскъ непріятельскихъ войскъ нападенія отъ гласнаго Тихона Глуховскаго и старосты Ефима Кваскова, изъ числа поступившихъ въ прошломъ 1812 году сборовъ по тысячѣ рублей, отъ каждаго изъ нихъ, въ чемъ имъ и даны отъ него собственноручныя росписки, изъ коего де числа далъ онъ, Верзинъ, рѣченному секретарю Черкасову триста рублей на выѣздъ изъ города, который однако, и печати магистратской, находившейся въ его вѣдѣніи и сохраненіи, не соблюлъ. Пожертвованная-жъ отъ купцовъ и мѣщанъ, во время ополченія, сумма также и векселя на розданную четверть-процентную, взимаемую съ купцовъ и мѣщанъ у гласнаго Кислова, а съ поземельнаго сбора у гласнаго Егора Редковскаго, находясь и остались. Магистратъ *опредѣлилъ:* съ прописаніемъ вышеписаннаго Градскую Думу таковымъ-же увѣдомить (и увѣдомилъ) сообщеніемъ, и при томъ съ тѣмъ, чтобы оное обстоятельство доведено было до свѣдѣнія здѣшняго купеческаго и мѣщанскаго сословія, а чтобы Градского Главу Верзина отъ невинныхъ, наносимыхъ имъ на бургомистровъ Павлова и Щедрина означенныхъ неправильныхъ

показаній представить Вашему Превосходительству рапортомъ, и симъ почтеннѣйше представляется, о чемъ и губернскому правленію—о учиненіи по сему предмету законнаго разсмотрѣнія и повелѣнія донесено рапортомъ".

Документъ этотъ, въ которомъ „Климъ кивалъ на Петра", полный доносовъ, казуистически канцелярскихъ увертокъ и отписокъ, мелкихъ подробностей, не идущихъ къ дѣлу, посреди которыхъ умышленно затемняется сущность вопроса о причинѣ гибели городского архива и историческихъ привилегій и граматъ, видимо, не убѣдилъ барона Аша: онъ предписалъ (3 ноября 1813 г. за № 13639) [1]) губернскому правленію „объ учиненіи по изъясненнымъ въ рапортѣ (Магистрата) обстоятельствамъ надлежащаго разсмотрѣнія и о поступленіи съ виновными по всей строгости закона".—На томъ эта переписка и обрывается.

Если губернскій городъ Смоленскъ охватила въ тѣ дни паника, во время которой погибли его замѣчательные архивы, надо признать, что менѣе яркую картину растерянности чиновниковъ рисуютъ донесенія по этой части, поступившія къ губернатору барону Ашу изъ уѣздовъ въ отвѣтъ на его запросы [2]).

Такъ, Рославльскій Нижній Земскій Судъ (3-го апрѣля 1813 г. за № 868) донесъ:

„Какое число въ ономъ судѣ по день закрытія, т. е. по 1 число августа 1812 г., оставалось въ нерѣшеніи дѣлъ и по нихъ въ содержаніи колодниковъ, какого содержанія тѣ дѣла и какія причины продолженія оныхъ, — какъ дѣло архива сего суда съ прочими таковыми-жъ другихъ мѣстъ, едва только въ г. Рославль перевезены въ исходѣ прошедшаго генваря мѣсяца и по случаю занятія казеннаго дома, въ коемъ прежде помѣщались присутственныя мѣста, лазаретомъ, сложены въ холодномъ мѣстѣ, въ куляхъ этихъ и возимы были вообще всѣ (дѣла) земскаго, уѣзднаго судовъ, казначейства, дворянской опеки и предводителя смѣшанными, то безъ разбора оныхъ показать невозможно, да разобрать ихъ по холодному бывшему тогда времени, равно и нынѣ по неимѣнію на то особаго дома и мѣста, неудобно. Къ тому-жъ, какъ архиваріусъ, такъ и нѣкото-

[1]) Въ томъ-же дѣлѣ Смол. губернатора № 9.

[2]) Въ дѣлѣ Смоленскаго губернатора № 32 (5).

рые приказные служителя одержимы болѣзнею... Присутствіе Нижняго Земскаго Суда закрыто 1 августа по случаю, что присутствующіе занимались выполненіемъ въ уѣздѣ предписаній начальства, послѣдовавшихъ по воинской части. Когда-жъ непріятель, вскорѣ по взятіи города Смоленска, вступилъ въ здѣшній уѣздъ и начали появляться, даже въ самомъ городѣ, непріятельскіе мародеры и по посланному отъ господина главнокомандующаго 2-й арміей князя Багратіона здѣшнему городничему повелѣнію въ августѣ мѣсяцѣ, а котораго числа, по неразобранію дѣлъ и журналовъ, не видно, то для сохраненія въ цѣлости дѣлъ архивъ и другихъ важныхъ документовъ и всѣхъ имѣющихъ по суду дѣлъ, приняты были мѣры, какія только было возможно, и вывезены были на собранныхъ изъ уѣзда обывательскихъ подводахъ, сложенныя въ куляхъ, зашитыхъ и обвязанныхъ веревками, сперва отправлены были Калужской губ. въ г. Мосальскъ съ засѣдателемъ суда сего Козловскимъ, при городничемъ, съ секретаремъ и приказнослужителяхъ; и сверхъ того Рославльская инвалидная команда имѣла неослабный въ самомъ городѣ караулъ подъ наблюденіемъ маіора Орлова. По привезеніи дѣлъ и архивы въ Мосальскъ, оные сложены были вообще для всѣхъ мѣстъ въ отведенномъ отъ тамошняго господина городничаго мѣстѣ, гдѣ за присмотромъ и находились до повелѣнія Его Превосходительства господина сенатора—Калужскаго губернатора и кавалера. По полученію-жъ отъ него повелѣнія, архива и дѣла отправлены были по настоящей и тамъ опасности изъ Мосальска въ губернскій городъ Орелъ, подъ надзоромъ отъ каждаго мѣста повытчиковъ, въ числѣ которыхъ былъ отъ земскаго суда прикомандированный регистраторъ Филимоновъ, а для учрежденія при оныхъ караула той-же Рославльской командной роты маіоръ Орловъ съ подпоручикомъ Карповичемъ и командою; прочіе-же чины суда сего, секретарь и приказнослужители съ городничимъ, по тому-же Его Превосходительства повелѣнію, данному въ г. Калугѣ господину городничему съ уѣзднымъ судьею, обратились въ Рославль для дѣйствія въ защитѣ онаго отъ непріятеля, при чемъ городничій съ уѣзднымъ судьею отправились напередъ, а секретарь, казначей и приказные, также и изъ конвойной команды командированными под-

поручикомъ Моисеевымъ, слѣдуя позади, 14 сентября сближаясь къ уѣзду, узнали, что Рославль и уѣздъ онаго того 14 числа заняты непріятельскимъ отрядомъ, потому поворотились въ городъ Жиздру для слѣдованія въ Орелъ, куда дѣла и архива были отправлены. Правящій же должность исправника, кандидатъ, подполковникъ Семичевъ и засѣдатели Людоговскій и Козловскій, изъ коихъ первые два, и по отправленіи дѣлъ и архивы въ Мосальскъ, оставались въ уѣздѣ ради истребленія непріятельскихъ мародеровъ, хотя, при нашествіи непріятеля 14 сентября на городъ Рославль, и спасали жизнь свою бѣгствомъ, но изъ нихъ, при устремленіи непріятеля въ догоню на немалое разстояніе, подполковникъ Семичевъ застрѣленъ; казначей-же, секретарь, приказничій и поручикъ Моисеевъ, по пріѣздѣ въ городъ Жиздру и остановясь, дѣлали отношеніе господину Брянскому городничему и земскому исправнику, и по полученіи отъ нихъ увѣдомленія, что Рославль непріятелемъ оставленъ, поворотились потому въ Брянскъ, а изъ онаго въ Рославль, гдѣ, по собраніи всѣхъ членовъ, занимались выполненіемъ по части земской полиціи" [1].

Какъ видно изъ донесенія Дорогобужскаго Городового Магистрата (отъ 22 апрѣля 1813 г. № 101), „дѣла частію архива и прочіе документы, для сохраненія въ цѣлости, изъ Дорогобужа, съ секретаремъ Бѣляевымъ, приказнослужителями вывозимы были до губернскаго города Тулы, разстояніемъ болѣе 300 верстъ, а по данному-же отъ Его Превосходительства г. гражданскаго губернатора и командующаго генерала Тульской военной силою Николая Ивановича Богданова ему, Бѣляеву, 31 генваря сего 1813 года, ордеру, тѣ дѣла, архива, документы, также приказнослужителя съ имъ, Бѣляевымъ, возвращены 21 февраля въ цѣлости и въ сбереженіи".

По донесенію Духовского Нижняго Земскаго Суда (отъ 16 іюля 1814 г. № 1924) [2] бывшаго Духовского временнаго

---

[1] Губернское Правленіе положило на это донесеніе такую резолюцію: „Замѣтить суду, что время, которое могли разобрать дѣла, достаточно было; и на наемъ квартиры, буде нѣтъ отведенной, и что отзывъ сей не осмѣлился сдѣлать еще ни одинъ земскій судъ; что, если въ скорости выправки не будетъ учинено, то члены предадутся сужденію".

[2] Въ дѣлѣ Смол. губернатора № 32 (5).

Земскаго Суда дворянскіе засѣдатели Николай Рачинскій и Алексѣй Залѣсскій рапортовали суду: Рачинскій — что до нашествія непріятеля онъ находился во временномъ Земскомъ Судѣ, для окончанія невыполненныхъ дѣлъ, когда, по волѣ Его Императорскаго Величества учреждено было земское ополченіе, на защиту отечества, то онъ Рачинскій, выбранъ былъ „дворянскимъ сословіемъ" въ сотенные начальники и находился при набираніи воиновъ и для сформированія ротъ—до выступленія въ походъ къ г. Дорогобужу. Дѣла-жъ неоконченныя, по экстренности и назначенію скораго выступленія, не успѣлъ сдать и они остались въ отдѣленной для временнаго засѣдателя конторѣ и при нашествіи непріятеля истреблены огнемъ съ прочими документами. Залѣсскій-же доносилъ, что до появленія французовъ онъ находился во временномъ Земскомъ Судѣ для окончанія невыполненныхъ дѣлъ. Когда-же непріятель приблизился къ границѣ Смоленской губерніи, то онъ, Залѣсскій, былъ экстренно командированъ для заготовленія провіанта и фуража для русской арміи, на половинѣ пути между Порѣчьемъ и Смоленскомъ, на Киселевскую станцію, почему не успѣлъ сдать куда слѣдовало невыполненныя дѣла. Со станціи Киселевской его отправили съ транспордтомъ въ г. Смоленскъ и онъ находился при этомъ транспортѣ до тѣхъ поръ, пока непріятель не занялъ Смоленска. Имѣвшіяся при немъ дѣла онъ оставилъ въ Смоленскѣ, а самъ едва успѣлъ спастись отъ непріятеля.

Этимъ документомъ исчерпываются матеріалы, находящіеся у меня подъ рукою по вопросу о судьбѣ архивовъ Смоленской губерніи въ Отечественную войну.

Тѣмъ не менѣе, сводя все, что собрано здѣсь по отношенію къ самымъ интереснымъ, въ историческомъ и бытовомъ значеніи, архивамъ—древнему губернскому и Городового Магистрата, приходится сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Напрасно священникъ Мурзакевичъ свалилъ всю вину гибели „губернской архивы" на одного только уѣзднаго предводителя дворянства Воеводскаго, сдѣлавшаго яко-бы неосторожный докладъ кн. Барклаю-де-Толли. Какъ видно изъ оффиціальнаго донесенія барона Аша Главнокомандующему въ С.-Петербургѣ, архивъ этотъ погибъ, какъ по соображеніямъ военнаго времени, благодаря которымъ

Барклай-де-Толли, обнадеживая Смолянъ, запрещалъ тревожить ихъ перевозкой казеннаго имущества и тѣмъ давать свѣдѣнія непріятелю, такъ и благодаря несомнѣнному равнодушію самого барона Аша и подчиненнаго ему чиновничества къ старинѣ, хранившейся въ древнемъ архивѣ. Не даромъ же баронъ Ашъ подъ „важнѣйшими дѣлами", которыя спасъ, подразумѣвалъ лишь текущую, канцелярскую переписку...

Необходимо поправить кое-гдѣ, при этомъ, и другія сообщенія св. Мурзакевича: распоряженіе на вывозъ изъ Смоленска казны, казенныхъ дѣлъ и чиновниковъ бар. Ашъ получилъ не 26, а 28 іюля; не кн. Багратіонъ повелѣлъ ему 3-го августа вывозить въ г. Вязьму дѣла, казну и все казенное, а Барклай-де-Толли, причемъ Ашъ началъ въ тотъ-же день приводить по этому вопросу въ дѣйствіе свои распоряженія, между прочимъ, и по совѣту сенатора Ланского. Багратіонъ-же далъ лишь 4-го августа Ашу разрѣшеніе на удаленіе изъ города чиновниковъ—когда началось уже самое сраженіе.

2) Не совсѣмъ безпристрастно и обвиненіе свящ. Мурзакевичемъ одного лишь городского головы Верзина въ томъ, что тотъ не сберегъ граматы и привилегіи, данныя Смоленску Великими Князьями, Королями и Императорами. Если виновность Верзина несомнѣнна, то не менѣе его виновны въ томъ-же бургомистры Павловъ и Щедринъ, которые, убѣдившись, что Верзинъ бросилъ документы на произволъ судьбы, не приняли, съ ихъ стороны, никакихъ мѣръ къ спасенію граматъ и привилегій. Конечно, это все—мелочи, отъ которыхъ фактъ гибели историческихъ матеріаловъ не измѣняетъ свою окраску.

Для меня, пишущаго эти строки, интересно еще и донесеніе Смоленской Казенной Палаты (отъ 29 сентября 1813 г.), въ которомъ описывается, какъ архиваріусъ Тихоновъ, собралъ по улицамъ и отдѣльнымъ зданіямъ города Смоленска, а также за его стѣнами, разбросанныя непріятелемъ бумаги. Надо думать, что это было все, оставшееся отъ Смоленскихъ архивовъ, причемъ возможно, что въ грудѣ бумаги находились и документы древняго Губернскаго архива. Изъ текста донесенія также видно, что все собранное было свалено Тихоновымъ впредь до разборки

подлежащими вѣдомствами, уже послѣ очищенія Смоленска отъ французовъ, въ Королевскую крѣпость и въ корпусъ удѣльной конторы.

Невольно возникаетъ вопросъ: не хранятся-ли до сихъ поръ въ огромномъ, сгнивающемъ архивѣ Смоленскаго Губернскаго правленія, помѣщающемся въ Копытенской башнѣ—одной изъ ближайшихъ къ нынѣ упраздненному Королевскому бастіону башенъ,—эти историческіе останки?

А. Жиркевичъ.

Г. Вильна,
6 Января 1909 г.
